
ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕРСТОБОЕВ: ЖИЗНЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

ТВОРЧЕСТВО В.Н. ШЕРСТОБОЕВА В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕВОЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Методология микроисторического исследования, в нашем случае — ситуативной историографии науки, принципиально меняет представление о контексте лишь как о совокупности внешних по отношению к ней факторов, взаимосвязи науки с проблемами общества в целом. Контекст теряет значение «фона», задающего условия протекания познавательной деятельности и интерпретации полученных научных результатов. Микроаналитическая стратегия историко-научного исследования исходит при изучении истории тех или иных областей знания и из признания факта серьезного влияния, оказываемого социальными отношениями внутри научного сообщества, и необходимости учета более широкого спектра субъектных, личностных характеристик, как ученых, так и других действующих в истории лиц; акцентирует исследовательское внимание на объективных условиях деятельности ученых, многообразных формах, средствах, институтах интеллектуального общения, без которых невозможна познавательная работа, формирование продукта науки. Более того, движение мысли и изложение в ряде случаев идет в обратном направлении, от микро- к макроуровню, по новому расставляя акценты, находя нюансы, до неузнаваемости меняющие первоначальное видение контекста: обращение к «частному случаю», «казусу» позволяет уловить конкретный и специфический его облик.

Экономическая историография рисует крайне противоречивую картину развития экономической истории в стране в послевоенный период. В.В. Дроздов, например, в соответствующей главе «Всеобщей истории экономической мысли» отнес активизацию исследований в этой области знания лишь на начало 1960-х гг., полностью проигнорировав при этом предшествующие годы и предложив читателям расширенную библиографию историко-экономических публикаций, сгруппированных, прежде всего, в соответствии с хронологией всемирной истории¹.

---

¹ Дроздов В.В. История народного хозяйства // Всемирная история экономической мысли. Т. 6. Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период (40-е–первая половина 90-х годов). Кн. 1. Отечественная экономическая наука. М., 1997. С. 495–501.

Ряд исследователей 1950–1960-е гг. рассматривает в качестве целостного по своему содержанию периода, связанного с возникновением так называемого «нового направления» в исторической и экономической науках. При этом если историки исторической науки анализируют его в контексте развития исторической науки в постсталинский период, с точки зрения небезыntenных поисков «на гранях» марксистской исторической парадигмы, то историки экономической науки «встраивают» направление в не столько лишнюю, сколько поменявшую идеологическую окраску схему истории экономической мысли. «Новое экономическое направление» идентифицируется ими как часть экономической науки, своеобразное «подполье» экономической теории тех лет (!), а профессиональные историки, входившие в него, объявляются экономической «школой российского институционализма»². При этом полностью игнорируется, если не логика развития экономической истории как самостоятельной научной дисциплины, то уж во всяком случае, движение эмпирических исследований представителей данного направления. Не случайно его зарождение трактуется как «институциональная оттепель» как в экономической истории, так и в политической экономии³.

В.И. Бовыкин в своем кратком историографическом обзоре не только охарактеризовал «новое направление» как разыскания новых цитат в марксистско-ленинском наследии, призванных лишь «внешне» обновить науку, но и особо выделил пятнадцать послевоенных лет, ставших, на его взгляд, годами небывалого размаха историко-экономических исследований. Вслед за этим непродолжительным периодом, с середины 1960-х гг., ученый констатировал спад исследовательской активности и продолжавшийся до конца столетия застой в историко-экономической науке. Импульс, к не знавшему аналогов в отечественной истории этой отрасли знания взлету, был дан, по его мнению, экономистами. И, прежде всего, П.И. Лященко, опубликовавшим в 1947–1948 гг. два тома своей «Истории народного хозяйства СССР», удостоенной Сталинской премии. Почин экономистов был подхвачен историками, что привело к закреплению их сотрудничества в рамках уже существовавших или созданных вновь институций⁴.

Среди центров историко-экономических изучений, возникших в те годы, автор не упоминает о секторе истории народного хозяйства, со-

---

² См., например: Погребинская В.А. Новое экономическое направление (методы исследования российского типа экономики) // Эволюционная экономика и «мэйнстрим». М., 2000. С. 178–187; Она же. «Новое направление» как школа российского институционализма // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 164–178.

³ См.: Фролов Д.П. «Институциональная оттепель» в экономической истории и политической экономии СССР // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 4. Волгоград, 2002.

⁴ Бовыкин В.И. Актуальные проблемы экономической истории // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 16–23.

зданном в структуре Института экономики АН СССР на исходе 1947 г. Отметим сей факт как, безусловно, отрадный, ибо в противном случае сектор стал бы всего лишь частью внушительного перечня историко-экономических институций, приводимого им. Элементом «фона», институционального контекста развертывания историко-экономических исследований. Или оформлением некой интеграции истории и экономики, их «синтеза» — излюбленной темы современной исторической науки (в том числе и указанного автора), навязывающей, однако, историографическую интерпретацию.

Но на этом «фоне» осталась бы незамеченной действительная история этой институции, а в рамках «синтеза» — затерялись результаты исследовательской работы конкретных ее участников, а главное — влияние, оказанное на развитие исторических исследований силами экономистов. Куда более плодотворным представляется взгляд на институцию, созданную в главном в области экономической науки исследовательском учреждении страны, «снизу», с позиции конкретного исследовательского проекта. Проекта, в нашем случае, реализованного в послевоенные годы Вадимом Николаевичем Шерстобоевым (1900–1963), чья сохранившаяся переписка с руководившим сектором до 1952 г. — Станиславом Густавовичем Струмилиным (1877–1974) — пришлась на первые два года его существования. Исследователем, защитившим при его содействии в качестве докторской диссертации первый том своей «Илимской пашни» именно в Институте экономики⁵.

Взгляд, скажем сразу, не обнаруживающий «руководящей и направляющей силы» сектора в деле активизации и координации историко-экономических исследований, да и элементарного интереса к самому факту его существования, но, тем самым позволяющий более реалистично взглянуть на развитие историко-экономической науки в декларируемую традиционной историографией пору ее расцвета в нашей стране.

Рождение сектора истории народного хозяйства, связанное с реорганизацией Института экономики, обозначило новую, благоприятную для исторических изучений тенденцию в развитии экономической науки, которую можно расценить как, если и не действительно начавшуюся, то заявленную в ее рамках специализацию. Директор института К.В. Островитянов в своем докладе на расширенной сессии Ученого совета, посвященной обсуждению недостатков и задач научно-исследовательской работы в области экономики, отметил не только возросший интерес к проблемам истории народного хозяйства, но и «чрезвычайную бедность литературы по этим вопросам». Улучшение в этой отрасли экономического знания связывалось, прежде всего, с защитой в качес-

---

⁵ Подробнее о проекте изучения локальной аграрной истории Предбайкалья, предпринятом В.Н. Шерстобоевым см.: Майдачевский Д.Я. Историко-экономическое изучение Прибайкалья: история исследований и идей. Иркутск, 2006. С. 154–199.

тве диссертаций уже опубликованных или принятых к печати работ, а также с укреплением связей с провинциальными научными и учебными организациями⁶.

На страницах журнала «Вопросы экономики» вскоре была опубликована составленная институтом и рекомендованная Управлением преподавания общественных наук Министерства высшего образования СССР примерная тематика диссертаций по экономическим наукам. Последняя в разделе «История народного хозяйства СССР» в качестве приоритетных рекомендовала темы «История развития сельского хозяйства в дореволюционной России» и «История крестьянства дореволюционной России», что было равносильно «зеленому свету» для экономистов, работавших в этих исследовательских областях⁷.

Не приходится сомневаться, что сигнал, поданный экономическому научному сообществу, был услышан, в том числе и В.Н. Шерстобоевым (напомним, кандидатом сельскохозяйственных наук), долгое время колебавшимся в выборе научной специальности, по которой он мог бы представить свою книгу на соискание ученой степени доктора наук. Не только расхождения в формальных требованиях, предъявляемых профессиональными группами историков и экономистов к соискателям (наличие «базового» образования, сданных кандидатских экзаменов «по специальности» и др.), но и поддержка со стороны столь авторитетного в этой исследовательской области специалиста как С.Г. Струмилину, в своем письме на высланную ему книгу написавшего: «На докторскую диссертацию лучше не требуется» (см. настоящую публикацию), а в датированном октябрем 1949 г. «отзыве о докторской диссертации В.Н. Шерстобоева», рассчитанном на «официальных лиц» иркутской науки: «Не сомневаюсь, что данная книга может быть поставлена на защиту в качестве докторской диссертации и что ее автору может быть присвоена ученая степень доктора экономических наук»⁸, склонили чашу весов в пользу «экономики». Уже в своем письме Струмилину от 9 декабря 1949 г. он пишет о намерении «послать работу с положенной в таких случаях документацией в Институт экономики АН СССР». В апреле 1950 г. В.Н. Шерстобоев представил в Ученый совет института первый том своей книги в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук, которую защитил в ноябре следующего года.

Подчеркнем решающую в данном случае роль именно личных отношений, установившихся между учеными благодаря встречам и беседам в Москве и Иркутске в 1947 г., а не институциональной среды: на страницах писем название возглавляемого Струмилиным сектора в Институте экономики, не говоря уже о предпринятых в его рамках ис-

⁶ См.: Вопросы экономики. 1948. № 8. С. 73–75; № 9. С. 61.

⁷ См.: Там же. 1950. № 5. С. 107–111.

⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 219, оп. 1, д. 440, л. 280.

следованиях, не упоминается ни разу. Жизнь последнего шла по своим, а точнее — диктуемым планами института и научными интересами его сотрудников, законам. Сектор силами самого С.Г. Струмилина, а также К.А. Пажитнова, Ф.Я. Полянского и др., в качестве основной разрабатывал проблему истории промышленности СССР. По существу же, «вписывая» в эту проблематику начатые задолго до его создания свои работы по истории черной металлургии в России и СССР, истории русской мануфактуры и цеховой организации промышленности, как в России, так и странах Западной Европы. В силу чего научная продукция, созданная в эти годы, далеко не всегда соответствовала заявленным темам исследовательских работ: Ф.Я. Полянский «Развитие советской промышленности в 1917–1927 гг.», «Промышленность СССР в восстановительный период», К.А. Пажитнов «История текстильной/шерстяной промышленности в СССР»⁹. На периферии исследовательского внимания, всего лишь как темы проведенных сектором научных дискуссий, находились проблемы аграрной истории. На заседаниях сектора обсуждались доклады С.Г. Струмилина «Земледельческий труд в России и СССР», в основу которого легла статья, опубликованная им на страницах «Вопросов экономики», а также В.М. Слободина «История систем земледелия в СССР»¹⁰, тема которого, заметим, способна была привлечь самое пристальное внимание сибирского ученого.

Отзыв С.Г. Струмилина на первый том «Илимской пашни», высланный В.Н. Шерстобоеву практически сразу после получения от того книги, и затем озвученный на защите как отзыв официального оппонента, а также обсуждение работы на заседании Ученого совета Института экономики, позволяют установить специфику подхода к изучению исторического процесса экономистами тех лет. В отзыве С.Г. Струмилина обращает на себя внимание попытка на примере работы Шерстобоева разграничить общее, частное и особенное в историко-экономическом исследовании. Историко-экономическое знание, на его взгляд, не должно останавливаться на установлении частного — сложившейся в рассматриваемую эпоху «системы хозяйства». Необходимо стремиться к пониманию общей связи явлений и событий — к установлению социально-экономической природы «хозяйственного строя»¹¹. Такой подход найдет свое воплощение в видении экономистами предмета экономической истории как науки, его определениях, даваемых научной и учебной литературой,

---

⁹ Архив РАН (АРАН). Ф. 1877, оп. 1, д. 457, л. 1–2; д. 557, л. 1–2. Ср.: Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952; Полянский Ф.Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. М., 1952; Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. Феодальный период (1500–1860 гг.). М., 1954; Полянский Ф.Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. М., 1956; и др.

¹⁰ Там же, д. 457, л. 1–2.

¹¹ См.: РГАЭ, ф. 219, оп. 1, д. 440, л.272.

в том числе и самим Струмилиным на страницах сборника его историко-экономических работ: «экономиста в истории прежде всего занимает смена форм и ступеней хозяйственного развития и те закономерности, которым подчиняется это развитие»¹².

Ответные слова Шерстобоева: «для меня такой метод анализа и связывания фактов, какой применен Вами в отзыве, является школой. Да, надо мне воспользоваться этим при работе над продолжением «Илимской пашни»», прозвучавшие еще в личной переписке, не остались лишь проявлением элементарной вежливости, вариантом хорошо известной формулы-обещания «учесть замечания в дальнейшей работе». И если второй том «Илимской пашни» (Иркутск, 1957) лишь в заключении содержит попытку теоретических обобщений эмпирического материала — вывод о развитии в сибирской деревне «примитивных форм капитализма», то сохранившиеся в личном архивном фонде материалы свидетельствуют, что все его творчество после завершения работы над рукописью книги прошло под знаком разработки именно этой политико-экономической конструкции. Разработки, осуществлявшейся всецело в рамках марксистской научной парадигмы, с широким использованием в построениях столь популярного «цитатного» метода, которая может быть признана не только интересным опытом поиска подходов к «связыванию» фактов экономической истории, но и показателем подмены историко-экономического анализа политико-экономическими построениями¹³.

К последним ученого, вне всякого сомнения, подтолкнул и характер вопросов, заданных ему в ходе защиты докторской диссертации. Они, против ожидания, не касались ключевых положений работы, посвященных экономике крестьянских хозяйств, или количественных методов, использованных им при обработке архивных материалов. Участники обсуждения интересовались уплатой крестьянами феодальной ренты, сложившимися формами организации промышленных занятий населения, торговлей хлебом как деятельностью, положившей начало капиталистическим отношениям, существовавшими формами подсечно земледелия, содержанием понятия «государственный феодализм», т.е. вопросами более уместными в процессе «испытаний» по политической экономии. И хотя сам соискатель усмотрел в них не столько стремление проверить глубину его теоретических знаний, сколько «любопытство к новой, редкой теме», слова эти очень точно характеризуют перифе-

---

¹² Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 3.

¹³ Приведем весьма показательный пример. Десятилетие спустя, откликаясь на предложение сотрудничества со стороны журнала «Вопросы экономики», В.Н. Шерстобоев выражает готовность выслать в адрес редакции статью, посвященную «учению Ленина о примитивных формах капитализма» и о его значении «для современных экономистов и историков развития экономической мысли». Редакция, однако, уже не проявила интереса к подобной тематике, выразив желание получить материалы, отражающие современное состояние сельского хозяйства в Сибири (ГАИО. Ф. р-2683, оп. 1, д. 84, л. 171, 174).

рийность историко-экономических изучений в системе экономического знания тех лет и «случайность» рассмотрения соответствующих научно-исследовательских работ ученым советом ведущей научной экономической институции страны.

Работе Шерстобоева невольно выпала сомнительная честь стать «символом» этой периферийности, которая в глазах некоторых экономистов была синонимом неактуальности. Как о «курьезе», способном «рассмешить» корреспондента, написал ему о состоявшемся вскоре после защиты «совещании в ЦК по поводу учебника по политэкономии» В.В. Покшишевский. На совещании, где «обсуждались многие общие вопросы положения на фронте экономической науки», диссертации Шерстобоева довелось предстать не просто примером, но аргументом в выступлениях тех, кто жаловался на «всеобъемлющий характер экономической науки», необходимость тратить время «слушая диссертацию о пашне Илимского воеводства XVII в.» и, наконец, показателем распыления сил Института экономики¹⁴.

«Курьезному» совещанию суждено было стать, однако, звеном в цепи событий, имевших пагубные последствия для изучения истории экономистами. Уже в 1951 г. в план работы сектора истории народного хозяйства Института экономики вносятся уточнения, нацеливающие исследователей на преимущественное внимание к экономической истории советского периода. Историей черной металлургии СССР занимается С.Г. Струмилин, промышленностью СССР в восстановительный период — Ф.Я. Полянский, промышленностью СССР в годы первой Сталинской пятилетки — Ш.Л. Розенфельд¹⁵. Включение же в следующем году ранее самостоятельного сектора в состав отдела социалистической экономики, а затем и преобразование в сектор обобщения исторического опыта развития советской экономики и экономической политики, окончательно задали хронологические рамки и направленность историко-экономических изучений главной научной экономической институции страны¹⁶.

Свой вклад в дело перевода экономистов на более «актуальную» тематику внесли и историки (заметим, не только активные участники экономических институций, но и «экономических» дискуссий тех лет). Появление из-под пера экономистов исторических монографий, ставших показателем начавшейся в рамках экономической науки специализации, породило, как это уже бывало в истории этой отрасли знания, скорее противостояние с исторической наукой, нежели тенденцию к интеграции, синтезу с нею. В недрах Института истории рождается специальная записка, авторы которой полагали, что изучение прошлого экономики

¹⁴ ГАИО. Ф.р-2683, оп.1, д. 279, л. 4об.

¹⁵ АРАН. Ф. 1877, оп. 1, д. 557, л. 1–2.

¹⁶ См.: Орешкин В.В. Институт экономики Академии наук СССР // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 2. М., 1990. С. 304–307.

должно было стать прерогативой историков, в силу того, что «при изучении экономической истории приходится исследовать историческим методом исторические источники, т.е. производить работу, являющуюся по своему характеру профессиональной работой историков, к которой они подготовлены лучше, чем кто-либо другой...»¹⁷.

Указанное противостояние получило свою проекцию и на местный уровень, вылившись в более чем десятилетнюю оппозицию В.Н. Шерстобоева сообществу иркутских историков, расценивавших занятия экономиста историей не иначе как вторжение со своим уставом в чужой монастырь. Регулярно «напоминавших» об отсутствии у него исторического образования, его принадлежности к иной профессиональной группе, бросавших автору работы, потребовавшей далеко не поверхностных знаний источниковедения, археографии и палеографии, упреки в «неумении читать архивные документы», прибегавших к извечной в таких случаях тактике «замалчивания» работы и ее автора¹⁸.

В этой ситуации совсем не случайным был в течение 1950-х гг. вектор поиска исследователем возможностей для продолжения своих занятий экономической историей. Доктора экономических наук, профессора экономического вуза (вуза, регулярно «корректировавшего» его научную деятельность как носящую «исторический характер», а, следовательно, не отвечающую требованиям жизни), он вел прочь от экономической науки. Не оправдавшиеся надежды продолжить свои занятия аграрной историей в рамках ведомственной научной институции — Сибирского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства в Омске, привели ученого к идее создания в Иркутске сибирского института истории АН СССР. В газетной статье 1958 г. он обосновывает необходимость существования такого учреждения в Сибири, перечисляет имеющиеся для этого интеллектуальные ресурсы и даже набрасывает примерную его структуру, включающую «группу по исследованию истории экономики» региона¹⁹. А спустя два года использует трибуну широкомасштабной научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока (Иркутск, 15–19 марта 1960 г.) для того, чтобы донести до тех, от кого зависит принятие решений, свое видение проблем организации исторической науки в Сибири. Надеждам ученого не суждено было сбыться. Через два года он не просто покинет Иркутск, а навсегда прекратит свои занятия экономической историей.

---

¹⁷ Цит. по: Воронкова С.В. Аркадий Лаврович Сидоров // Экономическая история. Ежегодник, 1999. М., 1999. С. 460.

¹⁸ Подробнее см.: Майдачевский Д.Я. «...Я Вас полагаю единственным у нас в Иркутске историком»: В.Н. Шерстобоев и сообщество местных историков, 1950-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2007. Иркутск, 2007. С. 48–53.

¹⁹ Восточно-Сибирская правда. 1958. 4 февр.

Переписка В.Н. Шерстобоева с академиком С.Г. Струмилиным¹

№ 1²

Уважаемый Станислав Густавович,
Только позавчера закончил переделку «Илимской пашни». Она подверглась коренному изменению и объем ее значительно вырос. Группировка крестьянских хозяйств перестроена по размерам посева, введено много новых разделов: история заселения Илимского края, народные волнения, урожайность, цены на хлеб, баланс государева хлеба, оброчный хлеб и добавлены материалы о туземном населении и роли ясака, о приемах в управлении, о гулящих людях и другие.

Делая все это, считал, что все это попадет в первую очередь к Вам. И Вы будете моим благосклонным критиком. Работу передал в местный ОГИЗ позавчера, но появится она в свет лишь в 1948 году. Буду считать своим долгом выслать Вам экземпляр ее. Вы, вероятно, и не подозреваете, какое влияние произвела на меня и мою работу встреча с вами.

Привет Тине Григорьевне. Мои ребята нет-нет да и расспрашивают меня — как вас зовет ваш внук (они запомнили).

До-свиданья, уважающий Вас В. Шерстобоев.

На днях буду проявлять фотоснимки, хоть бы что-нибудь вышло. Если выйдет — pošлю, не выйдет — извинюсь.

[Сентябрь 1947 г.(?)]

Рукопись. РГАЭ. Ф. 219, оп. 1, д. 785, л. 8.

№ 2

Уважаемый Станислав Густавович,
Едва собрался проявить пленку. Я вам говорил, что фотография есть фотография ошибок. На прилагаемых снимках, которые Вы может быть и не рискнете показать Тине Григорьевне, это положение подтверждается полностью. На снимках суммированы следующие недостатки: позднее время съемки, недостаточная выдержка (вина фотографа), царапины и крупнозернистость пленки (вина фабрики). Последнее обстоятельство не дало возможность увеличить снимок. При увеличении пятнистость еще увеличивается, соразмерно с чем возрастает и Ваша «неузнаваемость». Впрочем, если хотите, вышлю и увеличенный «портрет». Я провозился с печатанием часа 2, все искал лучших комбинаций. И так их и не нашел. Терпение и труд все перетрут; причем в этом афоризме дано количественное определение. Можно поэтому его преобразовать: христианское терпение и ослиное упорство все перетрут. Я готов на такой труд, в противном случае я должен дожидаться вторичного вашего приезда в Иркутск.

Редактирование работы закончил, передал ее в ОГИЗ, который организовал свое редактирование. Работа сильно выросла. В ней 30 печатных листов. Вероятно в первой половине 1948 года смогу выслать Вам один экземпляр ее.

Сейчас снова сижу в архиве, разбираю дела, начиная со 2-ой четверти XVIII столетия. Этот период в развитии экономики Сибири совершенно не освещен в литературе. По XVII веку есть работы историков: знаменитого Г.Ф. Миллера, его наследника и недруга — Фишера, затем Буцинского, Бахрушина³ и Шункова (1946 год)⁴. Все эти работы, во-первых, касаются лишь Западной Сибири, во-вторых, охватывают лишь XVII век, в-третьих, мало говорят об экономике крестьянства, за исключением, разве, Шункова. Кроме того опубликовано много томов документов — и опять-таки только по XVII веку.

Следовательно, повышается интерес к исследованию XVIII века. Это самое темное время Сибирской истории.

Привет Тине Григорьевне.

Уважающий Вас В. Шерстобоев.

5 октября 1947 г.

Рукопись. РГАЭ. Ф. 219, оп. 1, д. 785, л. 9.

№ 3

Уважаемый Станислав Густавович, могу, наконец, выслать Вам первый том «Илимской пашни», который только что вышел из печати.

Прошло более двух лет, как я, помнится, явился к Вам с печатным на машинке (вторым) экземпляром «Пашни». Признаюсь, у меня было сомнение, примете ли Вы меня, а если да, то познакомитесь ли с работой, а если да, то не отошлете ли Вашего покорного слугу за тридевять земель, в Иркутск, к исходной точке моих занятий.

Получив Ваш отзыв⁵, я перечитывал его десятки раз, пока: 1) трамвай не привез меня к какой-то остановке, 2) не выучил отзыв наизусть, включая подпись и дату.

Два года после этого переделывал и дополнял «Пашню», но и сейчас не вполне уверен, не уродятся ли на ней шишки. Если Вы познакомитесь с печатным экземпляром, то сразу заметите, что работа претерпела крупные переделки и сильно расширилась.

Давно уже, как только 1-й том попал в руки редакторов, я начал подготовку материалов к 2-му тому. Архивные бумаги перебрал почти все, остается систематизировать выписки, которых накопилось не одна тысяча листов и сесть за написание второго тома. Он будет охватывать II–IV четверти XVIII века. В него войдут материалы по изменению административной системы управления уездом, данные II–IV ревизий, расширение пашни, введение картофеля и другие сельскохозяйственные вопросы. Кроме того будут включены обширные материалы о снабже-

нии экспедиций Беринга, о ликвидации монастырского землевладения, о территориальном размещении туземных народов и о переходе части их к земледелию. Немного можно сказать и о пребывании Радищева в илимской ссылке.

Вы говорили некогда (мне кажется, что это было давно, чуть не XVII веке), что после выхода в свет 1-го тома Вы посоветуете мне — как им распорядиться. В особенности — нельзя ли рассматривать эту работу как диссертационную.

Ваше слово в этом отношении было бы для меня решающим. Если работу можно защищать, то где и могу ли я рассчитывать в этом на Вашу помощь.

Я был бы чрезвычайно признателен, если бы Вы ответили на эти вопросы.

Прошу передать привет Тине Григорьевне, которую, как и Вас, помнят в нашей семье.

В. Шерстобоев

20 августа 1949 г.

Рукопись. РГАЭ. Ф. 219, оп. 1, д. 785, л. 3.

№ 4

Многоуважаемый Станислав Густавович, получил Ваше любезное письмо с отеческим поучением об урожайности в старые годы⁶.

Я удивился, как мог я дать маху и как могли Вы заметить эту цифру. В книге есть специальный раздел об урожайности, где дается анализ материалов по этому вопросу.

То место, на которое указали Вы, посвящено вопросу о наемном труде и там цифра по урожайности почти случайна. Тем более досадно, что она противоречит специальному разделу, посвященному урожайности.

Извинениями, хотя и запоздалыми, могут быть для меня:

- 1) Вдумчивый читатель может обнаружить ошибку сам.
- 2) Урожайность даже более 10 цн/га не раз встречается в старых материалах. Вильямс ссылался на «обложные» урожаи удельного ведомства, изредка получавшиеся на целинных почвах.
- 3) Тенденции в развитии урожайности той эпохи — понижение сборов с единицы площади.
- 4) Средние урожаи в северных районах Иркутской области в 1937–1941 гг. колебались около 12–16 цн/га. Об этом я писал в статье для сборника трудов Иркутского с-х института (опубликовано в 1947 г.)⁷.

Но факт остается твердым, я не заметил ошибки. Заметили ее Вы.

В отношении официального отзыва о работе, о чем писали Вы, я могу только просить Вас. Ваш отзыв является лучшим, что я имею от этой книги. Вы извините, конечно, что я сообщил с радостью этот отзыв и своей семье и своим знакомым.

Кроме того, я познакомил с Вашим мнением о книге и дирекцию Иркутского финансово-экономического института. Она решила просить официального отзыва у Вас, чтобы оформить представление работы в качестве диссертационной.

Прошу направить отзыв по адресу — г. Иркутск, Иркутский финансово-экономический институт, директору Поляченко Владимиру Яковлевичу⁸. Впрочем всю переписку можете направлять и по моему домашнему адресу.

За истекшее время я получил несколько положительных отзывов от своих знакомых. Из отделения исторической географии Московского филиала Географического общества сообщили, что во второй половине октября там намечено заслушать доклад о работе. К сообщению было прибавлено, что меня известят о времени и месте заседания, где будет этот доклад.

Видимо они не приняли во внимание, что я живу от них в 5000 километрах.

До свидания, желаю Вам и супруге Вашей здоровья. Это, вероятно, единственное благо, которое не гарантируется Академией академикам.

Думаю выехать зимой в Москву — и выяснить весомость книги и еще раз поработать в центральном архиве.

Всего доброго. Жалею (и очень), что моя фотография была так неудачна. Немало поломал голову о исправлении ее, но пока безрезультатно. Поломаю еще. Авось что-нибудь и выйдет.

Уважающий Вас
В. Шерстобоев

10. X. 1949 г. г. Иркутск.

Живу так же, как жил и два года назад. Ежедневно сижу в архиве. Летом вновь ездил по илимским местам, смотрел, слушал, вникал, учился, фотографировал. Детей у меня не прибавилось и (слава судьбе!) не убавилось. Значит, по-прежнему живу сам-сам. В семье еще помнят о Вас и Тине Григорьевне. Местные экономисты читали Вашу статью в «Проблемах экономики»⁹ с уважением. Все остальное по-старому, город асфальтируется, хорошо стало с освещением, дешевле с прочим.

Рукопись. РГАЭ. Ф. 219, оп. 1, д. 785, лл.4–5об.

№ 5

Здравствуйте Станислав Густавович, посылаю Вам вырезку из местной газеты «Восточно-Сибирская правда» с рецензией на мою книгу¹⁰. Упреки, которые она мне делает, нельзя считать страшными. Спафарий проехал по Ангаре, следовательно в Илимске не был и к тому же называет очень немногие селения, не придавая значения точности их названий. В отношении увлечения мною слаженностью работ Илимской приказной избы можно заметить, что подобное изображение деятельности старинного уездного учреждения ранее в исторической ли-

тературе не давалось. Но нужно признать, что рецензия очень дельная и мои друзья поздравили меня с хорошим отзывом газеты.

Недавно я получил письмо от профессора А.И. Андреева¹¹, известного работами по сибиреведению. Он считает, что работу можно защищать по исторической науке, но сомневается — не заставят ли меня сдавать исторические предметы. Он делает мне строгое замечание, зачем я пытаюсь исправлять старинные тексты. К недостаткам книги он относит также слабое использование книги В.И. Шункова по истории колонизации Западной Сибири.

Кроме этих откликов на книгу я получил несколько писем с краткими мнениями о работе и с пожеланиями на будущее.

Веду теперь работу над вторым томом и, по настоятельному совету проф. Андреева, думаю в январе 1950 года выехать в Москву для работы в центральных архивах. Летом минувшего года ездил в Илимские края: на Илим, Куту и Лену до Киренска. Поездки всегда сильно обогащают.

Город наш изменяется к лучшему: построено десятка два больших красивых домов, ликвидированы перебои в электроснабжении, подчищается грязь. Стояла до последних дней солнечная погода, так что ожидали зацветения весенних цветов. Минувшей зимой стояла настолько теплая погода, что Ангара против города и вплоть до Байкала не замерзала в течение всей зимы. Этого не случалось, как сообщали в газете метеорологи, на протяжении 280 лет.

Все ребяташки мои (их у меня пять) здоровы и благополучно растут.

Шлю привет Вам и Вашей супруге.

Уважающий Вас В. Шерстобоев.

г. Иркутск, 27 октября 1949 г.

Авторизованная машинопись. РГАЭ. Ф. 219, оп. 1, д. 785, лл.7–7об.

№ 6

г. Иркутск, 9 декабря 1949 г.

Многоуважаемый и дорогой Станислав Густавович, я получил официальный отзыв о «Илимской пашне», получил его и Иркутский Финансово-Экономический институт. Насколько это явилось для нас важным событием Вы отчасти можете судить по тому, что Ваше письмо директор института тотчас же унес в Обком ВКП(б), как лестный документ для института и для местных организаций. В Обкоме Ваш отзыв был принят с большим удовлетворением.

Что касается меня, то я сердечно благодарю Вас за этот превосходный и по-хорошему (очень хорошему) умный отзыв. Все, что я раньше слышал о Вас — мельком, отрывками, неполно — и то, что узнаю сейчас, все подтверждает мое искреннее уважение к Вам, как к ученому и человеку. Я не знаю другого человека, кроме моего отца, к которому бы я относился с большим уважением, чем к Вам.

По Вашим замечаниям я могу только сказать, что они говорят об очень остром и опытном взоре. Для меня такой метод анализа и связывания фактов, какой применен Вами в отзыве, является школой. Да, надо мне воспользоваться этим при работе над продолжением «Илимской пашни».

Намереваюсь в ближайшее время послать работу с положенной в таких случаях документацией в Институт экономики АН СССР. Если не будет серьезных препятствий, то выеду в начале января в Москву для работы в архивах. Я был бы весьма признателен Вам, если бы Вы согласились встретиться со мной. Я рассказал бы Вам о работе над 2-м томом и о тех выводах, к которым приводят материалы. Наверное здесь будет много спорного, так как история Сибири (да и только ли Сибири?) 18 века мне представляется самым темным и неразработанным в науке временем. Несомненно, что история Сибири 17 века известна гораздо лучше, чем 18-го.

Кроме того, в делах илимской воеводской канцелярии мне встретились документы об удивительном человеке — воеводе Черемисинове, который имеет право рассматриваться, как один из многих безымянных предшественников Радищева. Не ошибаюсь ли я? Об этом следует посоветоваться с Вами. Но нужно полагать, что в истории любого народа были безвестные мыслители, забытые потомками, но служившие основанием для появления и расцвета крупных идеологов, отразивших помыслы передовых соотечественников.

До-свиданья, Станислав Густавович,

Уважающий Вас В. Шерстобоев.

Авторизованная машинопись. РГАЭ. Ф. 219, оп. 1, д. 785, лл.6–6об.

Примечания

¹ Письма В.Н. Шерстобоева к С.Г. Струмилину хранятся в личном фонде ученого в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) — Ф. 219, оп. 1, д. 785, 9 л. Название дела искажает имя, отчество и фамилию корреспондента: «Письма от Л.В. Шерстобитова о работе над монографией “Илимская пашня”», что не исключает существования других, относящихся к последующим годам, писем. Тем более что Д. 440 «Отзывы по истории русской промышленности» содержит отзывы не только на присланный автором первый том «Илимской пашни», но и на рукопись второго, датированный 26 декабря 1952 г. Кроме того, фонде В.Н. Шерстобоева сохранился черновик письма-поздравления С.Г. Струмилину в связи с его 75-летием от 22 января 1952 г. (ГАИО. Ф. р-2683, оп. 1, д. 238).

² Письма публикуются нами в хронологической последовательности, нарушенной при формировании архивного дела.

³ Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950) — историк, чл.-корр. АН СССР. Два письма к нему В.Н. Шерстобоева, датированные 31 августа и 30 ноября 1949 г., отложились в личном архивном фонде ученого (АРАН. Ф. 624, оп. 1, д. 251).

⁴ Имеется в виду книга В.И. Шункова «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII веков» (М., 1946). В личном архивном фонде Виктора Ивановича Шункова (1900–1967) — историка, чл.-кор. АН СССР сохранился отзыв В.Н. Шерстобоева на эту книгу, датированный 12 октября 1947 г. (АРАН. Ф. 1555, оп. 1, д. 146), а также его письма (д. 390).

⁵ Отзывом Шерстобоев называет, скорее всего, несколько строк, начертанных Струмилиным на титульном листе машинописного экземпляра «Илимской пашни» и гласивших: «Очень серьезная и ценная исследовательская работа. Могу поздравить автора с большой творческой удачей. Акад. С. Струмилин. 11/VI. 1947 г.».

⁶ Это письмо, единственное отложившееся в личном архивном фонде В.Н. Шерстобоева, заслуживает быть воспроизведенным полностью:

«Товарищу В.Н. Шерстобитову

Дорогой товарищ!

Спасибо за книгу. Вы много и хорошо над ней поработали. На докторскую диссертацию лучше не требуется. Но дефекты все же имеются. Не подходит к стилю всей работы глава I. Для историка она скучна, а для географа излишней покажется вся остальная книга. Таблицы не плохи, но без заголовков не всегда понятны. Но самый большой порок книги на мой взгляд тот, что она создает преувеличенное представление об урожайности XVII–XVIII в. Не всякий запомнит, да и Вы сами об этом забываете, что «казенной мерой» пашни у Вас является десятина в 3200 с. 2 вместо общеизвестной казенной десятины в 2400 с. 2 (стр. 170). И, если затем, на стр. 292, Вы выводите среднюю урожайность зерновых 1722 г. 62,5 п. с десятины, или 10 ц/га, то невольно приходит на память, что даже в лучшие годы и у нас в СССР мы еще не превысили этой нормы в 10 ц/га. Это было бы весьма печально для социалистического (здесь и далее подчеркнуто Струмилиным. — Д. М.) земледелия, но совершенно неправдоподобно: за 215 лет с 1722 по 1937 год — никакого прогресса! Феодализм — не хуже социализма!? А на самом деле здесь просто ошибка: 62,5 п. в переводе на нормальную десятину составит всего 62,5 : 1,33 = 47 п/д или 43 п/га, т.е. не 10 ц., а всего 7,1 ц/га, а если еще учесть утайку посевных площадей, то и много меньше. Недаром же норма сдачи с тяглой десятины не превышала 45–50 п. (с. 395). Фиск себя не обидит. А если урожай с тогдашней десятины не превышал 50 п., то есть 50 : 1,33 = 37,5 п. на нормальную, то на гектар это составит всего 37,5 : 1,09 = 34,5 п. или 5 ц/га.

Еще стоило бы учесть, что сдача на 1 десятину в ржаном исчислении может означать с учетом яровых 1 ½ десятины в 3200 саж² или 2 дес. нормальных. И тогда 50 п. с Вашей большой десятины равен 25 п. на нормальную десятину.

В остальном работой я доволен. Интересно и содержательно. При встрече побеседуем подробнее. Отзыв для защиты, если потребуется дам.

Пока привет Вам и супруге с ребятами. Жена тоже шлет всем Вам свой привет.

С. Струмилин»

(ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 285, л. 1–2).

⁷ См.: Шерстобоев В.Н. О посевных площадях озимой ржи в северных районах Иркутской области // Известия Иркутского сельскохозяйственного института. Иркутск, 1947. Вып. 5. С. 174–182.

⁸ Поляченко Владимир Яковлевич (1913–?) — кандидат экономических наук, доцент, в 1944–1954 гг. директор Иркутского финансово-экономического института.

⁹ По всей видимости, автор имеет в виду статью С.Г. Струмилина «К истории земледельческого труда в России», увидевшую свет на страницах журнала «Вопросы экономики» (1949. № 2). Ошибку в названии можно объяснить тем, что под ним журнал издавался лишь с марта 1948 г. Куда более привычным было — «Проблемы экономики», которое журнал носил с 1929 по 1941 год.

¹⁰ См.: Покшишевский В. «Илимская пашня» // Восточно-Сибирская правда. 1949. 11 окт. С. 3. Вырезка из газеты с рецензией открывает дело с письмами В.Н. Шерстобоева (л. 1).

¹¹ Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959) — историк, источниковед, археограф. Копия его письма к В.Н. Шерстобоеву, сохранилась в материалах по защите докторской диссертации, хранящихся в ГАИО.

Составление и примечания Д.Я. Майдачевского